

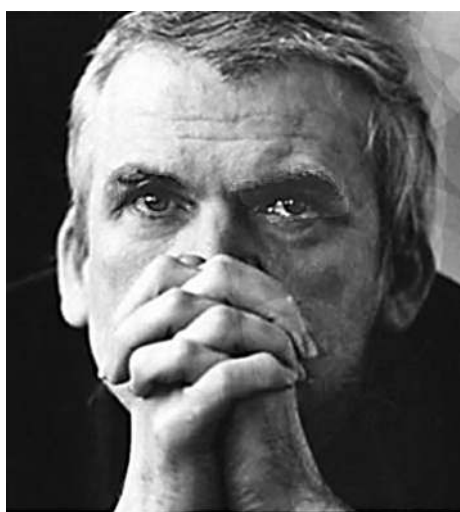
Милан Кундера

Современный французский писатель чешского происхождения, с 1975 года живёт во Франции.

Пишет как на чешском, так и на французском языках.

В этом рассказе он весьма остроумно описывает, кто и почему становится графоманом.

8 минут на чтение – и масса удовольствия.

Посмеяться и забыть

(3 условия, необходимые, чтобы в обществе расплодился графоманы)

Банака был безобразен – совершенно не тот тип, который обычно пробуждает к жизни дремлющую женскую чувствительность. Тамина налила ему чаю, и он необычайно вежливо поблагодарил её. Расслабленный разговор, в котором все участвовали понемногу, как будто не предвещал ничего особенного, как вдруг Банака повернулся к Биби с улыбкой и произнёс:

– Я слышал, вы хотите писать книгу. О чём же?

– О, что-нибудь очень простое, – ответила Биби. – Роман. О том, как я вижу мир.

– Роман? – переспросил Банака с явной ноткой неодобрения в голосе.

– Ну, не обязательно роман...

Она уже не была уверена в себе.

– Подумайте, из чего, в конце концов, складывается роман, – предложил Банака. – Все эти различные характеры... Вы действительно думаете, что знаете про них всё, что для этого знать полагаются? Как они выглядят, думают, одеваются? Из каких закоулков сознания исходят в своих действиях? Ну, согласитесь же, в самом деле: всё это заботит вас в последнюю очередь...

– Вы правы, – согласилась Биби. – В самую распоследнюю.

– Вы же знаете, – продолжал он, – романы – плод человеческих иллюзий о том, что мы якобы можем понять наших ближних. Но что мы можем знать друг о друге?

– Ничего, – сказала Биби.

– Это точно, – сказала Жужу.

Профессор философии утвердительно кивнул.

– Всё, что мы можем, – сказал Банака, – это вести учёт своих собственных «я». Всё остальное – натужная, но бесполезная трата энергии. Все остальное – враньё.

– Верно! Всё так и есть! – энергично подхватила Биби. – Я не хочу писать роман. Я имела в виду другое. То, что я хочу – это вот так, как вы говорите: писать о себе самой, какой-то учёт своей жизни. И я вовсе не стала бы скрывать, что живу абсолютно банальной, обыденной жизнью, в которой никогда не происходило ничего особенного...

Банака улыбнулся.

– А какая тут разница? Взгляните на меня. Снаружи – и я не выгляжу как-то особенно.

– Правильно! – вскричала Биби. – Правильно! Посмотрите на меня снаружи – и вы не увидите ничего особенного. Снаружи! Потому что оно происходит во мне, внутри меня – то, о чём стоит писать, о чём захотят читать люди!

Тамина продолжала развлекать всем чай. Она была рада тому, что эти двое мужчин, спустившись с олимпа своих интеллектов, так приветливы с её подругой.

Профессор философии потягивал трубку, прячась в дыму словно от неловкости за себя самого.

– Ещё со времен Джойса, – изрёк он, – мы начали осознавать, что величайшее испытание в нашей жизни – это отсутствие испытаний. Одиссей завоевывал Трою, прокладывал путь домой, стоя за штурвалом своего корабля, терпел крушение на каждом острове – нет, не тем нынче живы мы с вами! «Одиссея» Гомера теперь заняла место внутри человека. Человек её интернировал... Острова, моря, соблазняющие

нас силены – всё это нынче жгалось, уменьшилось и свелось к голосам, раздающимся только у нас внутри.

– Да, да! Я как раз чувствую то же самое! – воскликнула Биби. – Как раз поэтому я и хотела спросить у вас, что с этим делать, господин Банака. Очень часто я чувствую, что всё моё тело просто разрывает изнутри желанием как-нибудь себя выразить. Говорить. Высказывать что-то. Иногда мне кажется, что сейчас я с ума сойду или взорвусь от того, что я вся – точно... запёртая снаружи на ключ! Вам должно быть знакомо это чувство, господин Банака. Хочется рассказать историю своей жизни, своих переживаний, эмоций. Они ведь действительно неповторимы! Действительно, уверяю вас... Но посадите меня перед листом бумаги – и я теряю все свои мысли. Я прихожу, таким образом, к выводу, что, должно быть, всё дело в технике. Есть, видимо, что-то такое, что вы знаете, а я нет. Ваши книги просто потрясаюши...

На этом я избавлю вас от дальнейшего высслушивания лекции, которую два сократа читали молоденькой женщине об искусстве письма. Расскажу-ка я кое-что вместо этого.

Ехал я недавно в такси – с одного конца Парижа на другой. И водитель мне попался просто сногшибательный. Он не мог спать по ночам. Тяжелейший случай инсомнии. Началось на войне. Служил матросом. Корабль затонул. Он проплавал ровно три дня и три ночи. В конце концов, его спасли. Несколько месяцев лавировал между жизнью и смертью, и, хотя вылечился очень удачно, полностью утратил способность спать.

– Я живу на треть жизни больше, чем вы! – сообщил он мне, улыбаясь.

– И что же вы делаете с дополнительной третью? – спросил я.

– Пишу! – ответил он.

Я спросил его, что он пишет.

– Историю своей жизни. Историю человека, который проплавал три дня и три ночи, выдержал затяжную схватку со смертью, утратил способность спать, но сохранил стремление жить.

– Это вы для ваших детей? Семейные хроники?

– Моим лоботрясам всё это до лампочки! — горько рассмеялся он. — Не-ет, я хочу сделать из этого книгу. Думаю, многим людям она принесла бы немало хорошего.

Разговор с таксистом вдруг подарил мне новый взгляд на природу писательских мотиваций. Причина, заставляющая нас писать книги, – как раз в том, что нашим лоботрясам всё это до лампочки. Мы обращаемся к безы-

мянно беседе потому, что собственная жена выключает уши, когда с ней говоришь...

Вы можете спросить: а не был ли тот таксист просто-напросто графоманом? Но давайте определимся в терминах. Женщина, пишущая любовнику по четыре письма на дню, – не графоманка, она просто влюбленная женщина. А вот друг мой, шлепающий на ксероксе свои же любовные письма с мыслью когда-нибудь опубликовать их, – мой друг графоман.

Графомания – не страсть писать письма, дневники или семейные хроники (т. е. писать для себя и своих близких); это – страсть писать книги (иметь публику из незнакомых читателей). В этом смысле и таксиста, и Гёте объединяет одно и то же влечение. Отличает же Гёте от таксиста лишь результат этого влечения, но не влечение как таковое.

Графомания (навязчивая тяга к написанию книг) принимает размеры массовой эпидемии, как только общество в своем развитии предоставляет тому три главных условия:

- 1). Уровень общего благополучия, достаточно высокий для того, чтобы люди могли направить свою энергию на бесполезную деятельность.

- 2). Продвинутая стадия общественной разьединённости, и как результат этого – всеобщее ощущение изолированности индивида.

- 3). Радикальное отсутствие заметных общественных сдвигов во внутреннем развитии нации.

В этой связи я нахожу симптоматичным, что во Франции – стране, где ни черта не происходит, – процентное число писателей в двадцать один раз больше, чем в Израиле.

(Биби была совершенно права, жалуясь на то, что никогда ничего не испытывала «снаружи». Именно из отсутствия содержания, из этой зияющей пустоты и хлещет энергия для механизма, заставляющего её писать...).

Производимый всем этим «эффект встречной волны», однако же, еще больше усугубляет ситуацию в целом. Если всеобщая изолированность порождает графоманию, то массовая графомания уже вскармливает самоё себя и разрыхляет почву для культивации настроений ещё большей всеобщей изолированности.

Изобретение печати поначалу способствовало пониманию между людьми. В эпоху же графомании писание книг рождает обратный эффект: каждый окружает себя собственной писаниной – и точно стеной из зеркал обрубаёт подходы для любых голосов снаружи.

(Отрывок из «The Book of Laughter and Forgetting»).

Перевод **Дмитрия Коваленина.**